

И.П. Карезина

История образования Русской Православной миссии в Пекине

В статье обрисован исторический контекст учреждения Русской Православной миссии в Пекине (кон. XVII — нач. XVIII в.), сопоставлены декларируемые цели и тайные ожидания русского правительства, касающиеся ее деятельности. Рассмотрение процесса образования Миссии вписано в контекст истории развития русско-китайских отношений и вызовов времени, перед которыми оказались обе державы в данный временной период.

Ключевые слова: Русская Православная миссия в Пекине; православие в Китае; русские миссионеры; русско-китайские отношения; албазинцы; Лифаньюань.

По официальной версии Русская Православная миссия, учрежденная российским правительством в Пекине в 1715 году, не преследовала цели христианизировать Китай. Она была создана для духовного окормления небольшой общины — потомков русских военнопленных, оказавшихся в Китае в результате военных действий 1860-х годов в Приамурье. Их принято называть албазинцами, однако А.Р. Артемьев на основании документов показал, что большую часть пленных взяли в других местах [4]. Они были включены в состав 17-й роты 4-го отряда желтого окаймленного знамени маньчжурского восьмизнаменного войска и поселены в северо-восточной части Пекина в переулке Хуцзяцзюань. Им выделили под часовню буддийскую кумирню, куда они поместили привезенную из Албазина икону св. Николая. Пекинцы именовали эту часовню Лоча-мяо, что можно перевести двояко: «Русский храм» или «Храм демонов» (*лоча* — китайская транскрипция санскр. *ракиас*, «демон»; так называли в то время русских жителей Приамурья). Когда известие о часовне дошло до митр. Тобольского Игнатия, он в 1695 году послал в Пекин священника Григория и дьякона Лаврентия, отправив с ними антиминс, святое миро и церковную утварь для освящения храма. Храм был освящен во имя Софии — Премудрости Божией, но сохранил за собой и название Никольской церкви. (В дальнейшем, в 1730 г., церковь была разрушена землетрясением до основания, но вскоре вновь построена и освящена 5 августа 1732 г. начальником 2-й миссии, архим. Антонием Платковским (†1746), в честь Успения Божией Матери [1: с. 248].) В этом храме на великой ектении возносилось прошение за китайского императора, членов его семьи и придворных. Однако это еще не была миссия как таковая. Собственно, для «духовного окормления русских военнопленных» достигнутого было вполне достаточно, и если преследовать

лишь такую цель, то на этом можно было бы и остановиться. Но Петр I не желал останавливаться.

В 1698 году Андрей Андреевич Виниус, думный дьяк, сообщил Петру I о двадцати новокрестившихся в Пекине, а также об указе китайских властей «к Сибирскому архиерею, чтобы, сыскав удобных свя[щенников] ученых мужей для проповеди туда и крещения послал...» [10: с. 694]. В ответ последовали такие распоряжения Петра: «И то дело зело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, а также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там подобает попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы через некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епании» [10: с. 253–254] (здесь имеется в виду изгнание миссионеров из Японии в 1639 г. — *И.К.*).

Опасения Петра вызвать гнев местных начальников комментариев не требует, а на упоминании об иезуитах следует остановиться отдельно. С одной стороны, Петр был хорошо информирован о влиянии иезуитов при Цинском дворе, но с другой — у него сложились несколько искаженные представления об их предпочтениях: иезуиты всячески желали наладить хорошие контакты с русскими. Однако осуществлению этих планов препятствовал целый ряд политических обстоятельств. Русский царский двор в основном получал информацию о положении дел при цинском дворе от послов, возвращавшихся из Китая.

Первое добравшееся до Пекина посольство Ивана Петлина (1618) провело взаперти на посольском дворе всего четыре дня и вынуждено было возвратиться на родину ни с чем, так как не имело при себе подарков, без которых невозможно было получить аудиенцию императора.

Следующее русское посольство, возглавляемое Федором Исаковичем Байковым, прибыло в Пекин 3 марта 1655 года. Однако, несмотря на подарки для императора и пышную свиту, и на этот раз посольству пришлось удалиться ни с чем в сентябре того же года. Одной из причин неудачи миссии было незнание членами посольства маньчжурского или китайского языка. Переговоры велись через двойной перевод: сначала на монгольский, а затем на русский [12: с. 20]. Но главной проблемой явились требования китайского церемониала, по которым посол должен был совершить ритуальное троекратное поклонение императору — *коу тоу*. Католические миссионеры исполняли этот ритуал, понимая, что он имеет не религиозный, а чисто гражданский характер. В случае с русским послом все обстояло иначе: он усматривал в этом акте нарушение заповеди «Господу Богу поклоняйся и Ему одному служи». Поэтому Байков наотрез отказался исполнить это требование, чем настроил против себя весь двор. Ситуация осложнялась тем, что посланный Байковым для извещения о прибытии посольства тобольский татарский голова Петр Ярышкин сам сказался послом и выполнил церемонию. Поэтому Байкова упрекали следующим образом: «От вашего де великого государя приезжал прежде тебя

посол Петр Ярыжкин, а сказывался тот посол Петр Ярыжкин у своего великаго государя первой человек, да и тот де повеление все творил нашева царя...» [12: с. 33]. К тому же 17 июля 1655 года, во время пребывания Байкова в Пекине, туда же прибыло голландское посольство во главе с Джоном Ньюхофом (*John Nieuhof*). Голландцы были согласны выполнить все необходимые формальности, поэтому симпатии двора были на их стороне. Что же касается пребывавших тогда в Пекине четырех иезуитов, то их предпочтения были на стороне русского посольства. Нидерланды к тому времени были протестантской страной и, кроме того, их мощь как морской державы неуклонно росла. Поэтому иезуиты всячески содействовали русским и стремились чинить препятствия голландцам, преследуя при этом двоякую цель: с одной стороны, не допустить на территорию Китая протестантских проповедников, с другой — оказав услугу русскому государю, добиться от него в дальнейшем позволения на сухопутный проезд в Китай по территории России. Поэтому отцы «решили не оставлять никакого средства неиспользованным» [6: с.133]. В то время как Адам Шалль (*Adam Schall*) и Жан Валеа (*Jean Valleet*) убеждали императора Шуньчжи в воинственности голландцев и лояльности москвитян, португальские отцы Людовик Булио (*Ludovico Buglio*) и Габриэль де Магальяэш (*Gabriel de Magalhães*) пытались подкупить китайских чиновников. Однако все эти старания не увенчались успехом, так как голландцы начали использовать подкуп еще в Кантоне, и подкупленные по пути следования китайские чиновники подкупали, в свою очередь, столичных, которые и без того были настроены против русского посольства в связи с церемониальным вопросом. В конце концов Байков, пробыв в Пекине несколько месяцев, был вынужден отправиться на родину ни с чем. О его беспокойстве по поводу провала посольства свидетельствует тот факт, что он взял у представителя голландского посольства письмо, подтверждающее его пребывание в Пекине, чтобы смягчить гнев царя Алексея Михайловича.

Новое русское посольство было организовано и тщательно подготовлено в 1675 году. Во главе его был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. Однако и у этого посольства возникли непреодолимые трудности с переводом, и после многократных попыток найти общий язык цинские чиновники приставили к посольству в качестве переводчика иезуита Фердинанда Вербиста (*Ferdinand Verbiest*). Хорошо зная китайский, он мог общаться со Спафарием на латыни, что значительно облегчило переговоры. Но проблема китайских церемоний опять оказалась непреодолимой. Помимо *коу-тоу*, русские послы отказывались исполнять церемонию вручения подарков в том виде, в котором она существовала веками, ибо она соответствовала даннической концепции Китая по отношению к соседним государствам, считавшимся варварскими. Сопровождавшие посольские дары грамоты не столько переводились, сколько переписывались таким образом, что подаркам придавалось значение дани китайскому императору. Спафарий

не мог на это пойти и стал настаивать на изменении церемонии. Он требовал, чтобы грамоту его государя приняли с надлежащими почестями, как послание могущественного властителя. Наконец, была специально разработана церемония с компромиссами с обеих сторон. Спафарий выполнил *коу-тоу*, а император в это время был закрыт экраном. Письма и подарки русского посольства были приняты с демонстрацией почтительности, ответные дары Спафарий принимал стоя. С помощью Вербиста, который имел большое влияние на императора Кан-си, позднее состоялась даже частная аудиенция с императором, однако тот отказался писать русскому царю по форме, на которой настаивали Спафарий и Вербист, так что послание русского царя так и осталось без ответа. Распродав привезенные товары по довольно низкой цене, посольство 1 сентября 1676 года покинуло Пекин.

Во время пребывания Спафария в Пекине Вербист всячески выказывал лояльность и почтение русскому императору и сообщал его послу много ценной информации, включая военную: он предупредил Спафария о планах маньчжур завоевать крепости Албазин и Нерчинск. Впоследствии это подтвердилось самым печальным образом, когда Албазин был захвачен и Россия потеряла Приамурье. Тогда почему же Петр испытывал по отношению к пекинским иезуитам недоверие и опасения? Похоже, что послы, возвращаясь на родину после неудачных миссий и опасаясь гнева государя, были склонны объяснять свой провал в том числе и «кознями иезуитов». Кроме того, при дворе русского государя голландцы были в большом фаворе, что затрудняло иезуитам снискать доверие царя. Существовало, по всей вероятности, и такое опасение, что во время путешествия по России — а ведь путь пролегал через огромные территории — иезуиты будут заниматься шпионажем в пользу Китая, собирая географическую, промышленную и фискальную информацию, чтобы снискать благоволение цинского двора. Так или иначе, Петр предпочел действовать осмотрительно.

Анализируя действия русских послов при китайском дворе, необходимо учитывать специфику нужд Российского государства в сравнении и с чаяниями других западных держав и с условиями непосредственных соседей Китая в восточном регионе. Даннический взгляд китайского государства на международные отношения несколько не мешал контактам с Китаем представителям других государств и племен, так как на деле это не накладывало на «данников» никаких обязательств. Говоря современным языком, это была чисто пропагандистская схема для внутреннего использования. Посольства прибывали ко двору китайского императора с целью получить право торговли на территории Китая. Они традиционно сопровождались дарами, призванными знаменовать статус представляемого государства или племени. При этом представители посольств получали ответные дары, которые по ценности превосходили преподнесенные ими, исходя из представления, что более могущественный государь одаривает щедрее. Но главное — «данническое» государство получало разрешение торговать на территории Китая, что было, безусловно,

выгодно соседям могущественной империи, которые сами находились на более низкой ступени развития. При этом данническое государство не теряло своей независимости: туда не ставились китайские чиновники, оттуда не требовалось пополнения в китайскую армию и т. д. В свою очередь, Китай, не испытывая нужды в торговле с соседями, укреплял свои представления об императоре — Сыне Неба и могущественнейшем властителе мира. Что касается представителей стран Западной Европы, то они не стремились к установлению дипломатических отношений с Китаем; их целью была торговля и проповедь, поэтому и они легко принимали условия китайского двора.

В случае России дело обстояло совсем иначе. В середине XVII века миграционный поток русских поселенцев из центральных, северо-восточных районов России и из Сибири продвигался все далее на Восток к тихоокеанскому побережью и в бассейн реки Амур. Таким образом, разрастающиеся границы Российской империи вплотную подошли к границе Цинской империи, и возникла необходимость установления дипломатических контактов.

Посольству Спафария пришлось действовать в особо тяжелых условиях, так как эвенкийский князь Гантимур, живший на р. Наун (Нонни), в 1655 году принял российское подданство и в 1667 году со всем своим родом переселился в пределы Российской империи [12: с. 22]. Маньчжурское правительство называло его перебежчиком и не раз требовало от сибирских воевод вернуть его на территорию Маньчжурии, в чем неизменно получало отказ. Нарастал территориальный конфликт, поэтому традиционные воззрения Китая на своих соседей как на представителей диких народов никак не могли удовлетворять целям российского правительства, стремящегося к установлению равноправных дипломатических отношений. И хотя условия Нерчинского договора (1689) были навязаны России в результате военной агрессии со стороны маньчжурского правительства, он явился первым равноправным договором Китая с западным государством. Однако именно в силу несовершенства Нерчинского договора территориальные разногласия продолжали возникать снова и снова, делая очевидной обеим сторонам необходимость учреждения некоего дипломатического института. Но, как ясно из вышеизложенного, созданию такого института препятствовало расхождение на уровне парадигм в области международного права: концепция равноправных соседей, отстаиваемая Россией, и данническая концепция, лелеемая Китаем.

В этих условиях Миссия стала решением, удовлетворившим обе стороны. Учрежденная в 1715 году, она выполняла дипломатические функции вплоть до 1861 года, когда в Китае появилось русское посольство. Отмечается, что Миссия являлась единственным иностранным институтом в столице Китая до середины XIX века.

Следует задаться вопросом, каков был механизм создания компромисса. Российская сторона совершала активные действия, стремясь учредить свой институт на территории Китая. Китайская сторона на правах хозяина чинила

препятствия одним инициативам партнера и допускала другие. Поэтому целесообразно рассматривать, каковы были изначальные притязания российского престола, с одной стороны, и империи Цинов, с другой, и как те и другие трансформировали друг друга в условиях вызовов времени.

Первая миссия была официально учреждена в 1715 году [9], последняя — двадцатая — окончила свое существование в 1954 году в результате ликвидации ее советским правительством и передачи территории Миссии советскому посольству. Состав Миссии полностью менялся в среднем через десять лет. В него в основном входили:

- глава миссии в сане архимандрита;
- 1–3 (в разные годы) иеромонаха;
- 1–2 иеродиакона;
- причетники.

Помимо того, к Миссии прикомандировывались врач, пристав и несколько учеников. Последние занимались изучением китайского и маньчжурского языков, а также сбором сведений о малоизвестной тогда стране — географических, исторических, этнокультурных и пр.

Первая Миссия во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) была принята в Китае с особым вниманием и почетом. Главе Миссии было пожаловано звание мандарина 5-й степени, священнику и диакону — мандаринов 7-й степени, учеников причислили к сословию солдат. Каждому члену Миссии было выделено казенное жилье и назначено жалованье, а через каждые три года выделялись средства на покупку платья. Таким образом, цинское правительство официально принимало членов Миссии к себе на службу. Правовая основа существования Миссии была регламентирована в 1727 году пунктом 5-м Кяхтинского договора. В 1858 году был составлен Тяньцзиньский трактат, по которому члены Миссии освобождались от государственной службы, а китайское правительство — от расходов, связанных с содержанием членов Миссии. С российской стороны действия членов Миссии определялись Инструкциями, составленными Коллегией иностранных дел и Синодом. Инструкция состояла из 11 пунктов и с некоторыми изменениями повторялась до начала XIX века.

В исторических архивах России содержится недостаточно сведений об отправке первой Миссии в Китай, и связано это в первую очередь с тем, что в то время еще не существовало центрального учреждения, ведавшего церковными делами. Поэтому долгое время у историков даже не существовало единого мнения о дате прибытия Миссии в Пекин и дате кончины арх. Илариона. Только исследование петербургского востоковеда Т. Пан (2000 г.) позволило четко определить, что Миссия прибыла в Пекин 30 апреля 1715 года, а годом смерти возглавлявшего ее архимандрита следует считать 1717-й, возможно, 14 октября [9].

Как бы то ни было, арх. Иларион хорошо вел дела Миссии, устроил «правильное и стройное богослужение, чем привлекал в православную церковь не только албазинцев, но и других язычествующих жителей Пекина» [1: с. 73].

В Миссию ежемесячно приезжал представитель императора Кан-си справиться о здоровье начальника и о нуждах Миссии. Однако тяжелые условия жизни в Китае и раздоры между членами Миссии подорвали здоровье архимандрита. В 1717 году он скончался. В том же году Пекин покинули четверо причетников и иеродиакон, и таким образом, в Пекине остался лишь иеромонах Лаврентий, трое причетников и четверо учеников, которым и предстояло работать в Китае до прибытия 2-й Миссии. Помимо сложностей, возникших у оставшихся миссионеров, такое сокращение личного состава вызвало недовольство китайских властей. Недоразумение объяснялось тем, что, приняв членов Миссии на службу и распределив по тем или иным сословиям (мандаринов и солдат), цинское правительство воспринимало их как своих подданных. Впоследствии пунктом 5 Кяхтинского договора (1727) было специально оговорено, что члены Миссии не имеют права покидать Пекин или приезжать туда раньше срока. Уже 2-я Миссия, во главе с арх. Антонием Платковским, добилась отмены практики ранжирования членов Миссии по китайским сословиям. В 1737 году Агент лоренц Ланг договорился с китайской стороной, чтобы членам Миссии не давали никаких чинов и признавали их только служащими Лифаньюаня — китайского министерства иностранных дел [3]. Но вопрос свободного въезда в Пекин и отъезда из него решил лишь Тяньцзиньский договор 1858 года.

Мы начали с утверждения, что Миссия не имела цели христианизировать Китай — такова была официальная версия. В отечественной научной литературе из издания в издание кочует мнение, что якобы миссионерские притязания Российской империи в Пекине были скромны и ограничивались окормлением небольшой общины русских военнопленных. Действительно, миссионеры не распространяли проповедь за пределы русской общины, и даже внутри нее справлялись с задачей поддержания христианства довольно плохо. Однако это было вызвано не отсутствием стремления российского правительства христианизировать Китай, а условиями жесткой антихристианской политики, проводимой Цинами.

Об изначальных миссионерских планах России в отношении Китая недвусмысленно свидетельствует указ Петра I от 18 июня 1700 года, в котором, в частности, говорится: «А для утверждения и приумножения в православную христианскую веру и проповеди святого евангелия в тех идолопоклонных народах (имеются в виду китайцы. — *И.К.*), тако ж для приведения ясачных народов в веру христианскую и святое крещение... великий государь... указал писать к киевскому митрополиту, чтоб он... искал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученаго и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы божиею помощию исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго бога» [11: с. 50]. Предполагалось также выбрать двух-трех молодых иноков, чтобы те овладели китайским и монгольским языками и, живя

в Китае, осуществляли там богослужения и проповедь, «чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести б к тому святому делу (курсив мой. — И.К.) и к российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных» [11: с. 52].

Как видим, миссионерские планы Российской империи простирались куда дальше окормления небольшой группы православных воинов в Пекине. Однако зачем это было нужно Петру, если известно, что его вряд ли можно назвать равноапостольным или даже просто благочестивым царем? Приведенный документ разрешает это недоумение, ясно демонстрируя, что миссионерское рвение Петра объясняется экономическими, коммерческими интересами.

Изначально функции христианизации Китая были возложены на Тобольскую кафедру. Когда же в Пекине удалось учредить Российскую православную духовную миссию, Петр, воодушевленный успехом, предпринимает попытку основать там епископию, что повысило бы статус Миссии и позволило бы рукополагать духовенство из числа местного населения. По сообщению члена IV миссии иеромонаха Феодосия (Сморжевского) и начальника VIII миссии архимандрита Софрония (Грибовского), вернувшийся из Пекина иерод. Филимон распространил молву, что император Кан-си готов принять крещение в Греко-Российской церкви [2: с. 77]. Разумеется, эти сведения были далеки от действительности. Император Кан-си благоволил к христианам, в 1692 году издал указ о терпимости к христианству, несколько женщин из императорской фамилии были крещены. Но Кан-си имел более тесный контакт с католическими миссионерами, и указанные крещения состоялись по латинскому обряду. К тому же время не стояло на месте, и в начале XVIII века отношения китайского двора и Ватикана резко обострились из-за «спора о ритуалах», достигнув наивысшего накала к 1720 году [8]. Может быть, выводы иерод. Филимона были основаны на рассуждении, что, поссорившись с католиками, Кан-си обратится к Православной церкви.

Существует и другая версия касательно причин совершенной попытки. А.В. Ломанов считает, что она была основана скорее на слухах «об успехах иезуитов, якобы уже уговоривших императора Кан-си принять крещение по католическому обряду» [7: с. 333], и имела целью своевременно упрочить позиции православия на территории Китая.

Не исключено также, что сыграл свою роль фигурализм, присущий христианскому сознанию. Миссионеры, крестя влиятельных мужчин и женщин в далеких странах, часто давали им при крещении имена Константин и Елена — в память императора Константина, сделавшего христианство официальной религией Римской империи, и его матери. Активно покровительствуя христианству на протяжении своего правления, Константин сам принял крещение лишь незадолго до смерти. Вполне вероятно, что такого же деяния ожидали и от императора Кан-си.

Наиболее подробное описание усилий по учреждению пекинской епископии содержится в «Краткой истории Русской православной миссии в Китае»

архимандрита Авраамия (Часовникова) (1864–1918)¹. При подборе кандидатуры епископа выбор пал на о. Иннокентия, закончившего Киевскую духовную академию и в числе других монашествующих вызванного для пополнения только что основанной тогда Невской лавры. Здесь он вскоре был назначен флотским обер-иеромонахом. 14 февраля 1721 года новоучрежденный Св. Синод запрашивал государя, посвятить ли иером. Иннокентия архиереем Иркутским и Нерчинским и отделить ли от сибирской епархии. Петр не решился на такой шаг: «В архиереи посвятить, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине, чтобы иезуиты не перетолковали инако и бедства б не нанесли». 5 марта 1721 года иером. Иннокентий был хиротонисан во епископа с титулованием Переяславльского. 19 апреля того же года святитель выехал из Петербурга. Св. Синод сопровождал его инструкцией скрывать на территории Китая свой архиерейский сан, а в случае возникновения вопросов говорить, что лишь уполномочен рукополагать во священники в случае смерти кого-либо из находящихся в составе Миссии [7]. 2 сентября 1722 года епископ добрался до Иркутска, откуда немедленно было послано письмо с изпрошением дозволения китайских властей следовать дальше. Однако пограничные власти мешкали с передачей письма в Пекин. Вследствие этого русский торговый агент Ланг, который 17 июля 1722 года должен был покинуть Пекин, возвратился в Селенгинск, где в это время находился еп. Иннокентий, не привезя с собой ответа насчет перемены Русской духовной миссии. Вместо этого Пекин прислал грамоту, в которой говорилось, что, пока монгольские беглецы не будут разысканы и выданы Китаю, о приеме епископа Иннокентия не может быть и речи. Вопрос о «перебежчиках» постоянно становился причиной трений между двумя государствами, являясь, в свою очередь, следствием несовершенства Нерчинского договора и отсутствия четко регламентированных международных отношений.

В декабре 1722 года скончался император Кан-си, и в начале 1723 года на престол вступает его наследник — 45-летний Юн-чжэн. В отличие от отца, Юн-чжэн относился к христианству резко отрицательно, и в стране начались преследования христиан. Однако по поводу Российской православной миссии он отправляет в Селенгинск посольство, желая использовать этот вопрос в качестве разменной карты в споре о перебежчиках. В донесении Св. Синоду от 14 августа 1724 года еп. Иннокентий сообщает, что агент Ланг «довольно изволил говорить о том, дабы приняли мене в Пекин... и что духовное дело к беглецам не надлежит» [5: с. 29]. Но договоренность вновь не была достигнута.

28 января 1725 году скончался император Петр I. Извещая все иностранные державы об этом событии, императрица Екатерина I повелела агенту

¹ Зачислен в состав 18-й миссии указом № 2970 Св. Синода от 15 июня 1898 г. Составлением «Краткой истории...» занимался в последний период жизни по поручению главы Миссии архим. Иннокентия (Фигуровского), восстанавливая документы, уничтоженные в 1900 г. В наст. вр. его очерк опублик. в сб.: Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. М. — СПб., 2006.

Лангу уведомить о том и китайский двор, с обещанием в скорейшем времени отправить в Пекин полномочного министра для принесения новому императору поздравления в связи с восшествием на престол. В 1725 году с этой миссией был отправлен в Китай гр. Савва Владиславович Рагузинский. 4 августа Св. Синод дал следующее определение: «Ежели препятствия никакого со стороны китайской не воспоследует, со оным графом ехать туда обретающемуся в Сибирской губернии, и Иркутском монастыре, Иннокентию, епископу переславскому. А ежели св. архиерея туда не допустят, то ехать с ним, графом, онаго Иркутскаго монастыря архимандриту Антонию Платковскому» [5: с. 30]. В Китай был пропущен только Рагузинский, и лишь там вопрос решился окончательно в пользу присылки в Миссию Антония (Платковского). Отказ принять еп. Иннокентия объяснялся именно его высоким саном: «...архимандрит и священники в Пекин приняты будут, а епископ никогда не допустится» [5: с. 31].

Еп. Иннокентий остался в Иркутске управлять епархией, скончался 26 ноября 1731 года. 28 октября 1808 года его мощи были обретены нетленными. Он прославлен в лике святых и считается небесным покровителем Православной миссии в Китае [5: с. 31].

Подведем итоги. Данное исследование позволяет скорректировать расхожее представление, что якобы русское правительство не имело планов христианизации Китая и учредило Российскую Православную миссию в Пекине лишь для окормления группы русских военнопленных. О миссионерских планах Петра I говорят не только изложенные им в указе от 1700 года соображения, но и ряд активных действий, предпринятых с целью учредить на китайской территории православную епископию. Однако Петром двигали не столько благочестивые намерения принести народу Китая слово божие, сколько соображения коммерческого порядка, а также дипломатический тупик, в котором оказались оба государства в условиях обострения пограничного вопроса. Последнее обстоятельство вынудило цинское правительство пойти на небывалые для Китая нововведения в области международных отношений — сначала по настоянию русского посла Милеску Спафария был изменен ритуал приема посольства иностранного государства, затем заключен Нерчинский договор, явившийся для Китая первым равноправным международным договором, и, наконец, образована Русская Православная миссия в Пекине, долгое время остававшаяся единственным иностранным учреждением на территории Цинской империи. Однако, будучи заинтересовано в Миссии как дипломатическом канале, цинское правительство было против распространения христианской проповеди в Китае и по этой причине не допустило установления на территории Поднебесной православной епископии, которая могла бы послужить важным фактором распространения православия среди местного населения. Таким образом, первоначальные миссионерские планы русского государя были блокированы маньчжурским правительством. Поэтому на протяжении долгого времени члены Миссии были вынуждены ограничить свою деятельность окормлением небольшой русской общины, службой в Лифаньюане и сбором сведений о стране своего пребывания.

Литература

1. *Адоратский Н.* Отец Иакинф Бичурин. Исторический этюд. Православный собеседник. Казань, 1886. № 2–6.
2. *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Магистр. дис. Странник. Казань, 1887 (апрель – май).
3. *Андреева С.Г.* Российская (Православная) Духовная Миссия в Пекине и ее роль в истории русско-китайских отношений (1715–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Деп. в ИНИОН РАН 18.06.2009, № 60754. М., 2001. 192 с.
4. *Артемьев А.Р.* О формировании русской православной диаспоры в Китае. ДВО РАН, Владивосток // URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/1-1-0-55>.
5. Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. М. – СПб.: Альянс – Архео, 2006. 217, [1] с.: [24] л. ил.
6. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. М: КРАФТ+ ИВ РАН, 2001. 256 с.
7. *Ломанов А.В.* Российская духовная миссия в Китае. Духовная жизнь Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М.: Восточная литература, 2007. С. 332–352.
8. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. С. 189–198.
9. *Пан Т.А.* Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская духовная миссия (1717–1729 гг.) // Исторический вестник. М.–В., 2002. № 2 (6). С. 196–202.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого: сб. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1887. 991 с.
11. Русско-китайские отношения в XVIII веке. 1700–1725. Материалы и документы. Т. 1. М., 1978. 704 с.
12. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.

References

1. *Adoratskij N.* Otecz Iakinf Bichurin. Istoricheskij e'tyud. Pravoslavny'j sobesednik. Kazan', 1886. № 2–6.
2. *Adoratskij N.* Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushhestvovaniya. Magistr. dis. Strannik. Kazan', 1887 (aprel' – maj).
3. *Andreeva S.G.* Rossijskaya (Pravoslavnaya) Duxovnaya Missiya v Pekine i ee rol' v istorii russko-kitajskix otnoshenij (1715–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Dep. v INION RAN 18.06.2009, № 60754. M., 2001. 192 s.
4. *Artem'ev A.R.* O formirovanii russkoj pravoslavnoj diaspory' v Kitae. DVO RAN, Vladivostok // URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/1-1-0-55>.
5. Bej-guan'. Kratkaya istoriya Rossijskoj duxovnoj missii v Kitae / Sost. B.G. Aleksandrov. M. – SPb.: Al'yans – Arxeo, 2006. 217, [1] s.: [24] l. il.
6. *Dubrovskaya D.V.* Missiya iezuitov v Kitae. M: KRAFT+ IV RAN, 2001. 256 s.
7. *Lomanov A.V.* Rossijskaya duxovnaya missiya v Kitae. Duxovnaya zhizn' Kitaya: e'nciklopediya: v 5 t. T. 2. M.: Vostochnaya literatura, 2007. S. 332–352.
8. *Lomanov A.V.* Xristianstvo i kitajskaya kul'tura. M.: Vostochnaya literatura, 2002. S. 189–198.
9. *Pan T.A.* Arximandrit Ilarion (Lezhajskij) i pervaya Pekinskaya duxovnaya missiya (1717–1729 gg.) // Istoricheskij vestnik. M.–V., 2002. № 2 (6). S. 196–202.
10. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo: sb. T. 1. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. 991 s.

11. Russko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke. 1700–1725. Materialy' i dokumenty'. T. 1. M., 1978. 704 s.
12. *Skachkov P.E.* Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. M., 1977. 505 s.

I.P. Karežina

The History of Foundation of Russian Orthodox Mission in Beijing

In the article the author outlines the historical context of establishment of the Russian Orthodox mission in Beijing (the end of 17th – the beginning of the 18th century). The declared purposes and the secret expectations of the Russian government concerning its activity are compared. Consideration of process of formation of Mission is entered in a context of history of development of the Russian-Chinese relations and challenges of time, before which the two powers in a given time period appeared.

Keywords: Russian Orthodox mission in Beijing; orthodoxy in Beijing; Russian missionaries; Russian-Chinese relations; Albazins; Lifanyuan.